

Аксюмов Борис Владимирович
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Российская Федерация
aksbor@mail.ru

Межэтнические отношения в России в контексте проблемы идентичности³⁶¹

Аннотация. В статье рассмотрены противоположные тренды развития межэтнических отношений в Российской Федерации. Несмотря на в целом положительную динамику этих отношений, негативным фактором их развития до сих пор остается противоречивая структура идентичности современного россиянина, включающая в себя государственно-гражданскую и этническую формы идентичности, соотношение между которыми далеко не всегда можно признать гармоничными. В статье аргументируется тезис об изначальной конкурентности и даже (в некоторых случаях) конфликтности данных форм идентичности, что является глубинной основой межэтнической напряженности и межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: межэтнические отношения; гражданская идентичность; этническая идентичность; конфликт идентичностей

Aksiumov Boris Vladimirovich
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russian Federation
aksbor@mail.ru

Inter-ethnic relations in Russian Federation in the context of identity problems³⁶²

Abstract. The article discusses the opposite trends in the development of ethnic relations in the Russian Federation. Despite the generally positive dynamics of these relations, the controversial structure of identity of a modern Russian citizen, which includes state-civil and ethnic forms of identity, the relationship between which is far from being harmonious, remains a negative factor in their development. The article sums up the thesis about the initial competitiveness and even (in some cases) the conflict of these forms of identity, which is a deep ground of ethnic tension and ethnic conflicts.

Keywords: ethnic Relations; civic identity; ethnic identity; identity conflict

Тренды развития межэтнических отношений в России

Для Российской Федерации, на территории которой проживают более 190 народов, проблематика межэтнических и тесно примыкающих к ним

---

³⁶¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00132 «Тенденции этнизации / деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе».

³⁶² The publication was prepared as a part of the scientific project “Tendencies of Ethnicization / De-ethnicization of Social and Political Life in the North Caucasus”, RFBR grant No. 20-011-00132.

межконфессиональных отношений является одной из самых важных. Если оценивать состояние межэтнических отношений в России за период последнего десятилетия, то оценка будет неоднозначной. С одной стороны, в этот период произошли резонансные события, негативно повлиявшие на межэтнические отношения. Наиболее крупными из этих событий были стихийные митинги в Москве на Манежной площади в декабре 2010 г. и инциденты в Бирюлево в октябре 2013 г. В обоих случаях непосредственным поводом для массовых выступлений граждан послужили конкретные события криминального характера с участием лиц различной национальности. Люди проявляли недовольство бездействием власти, требовали немедленного и жесткого наказания виновных. Одновременно звучали националистические лозунги и призывы, некоторые националистические группировки попытались перевести возникшие конфликты в более горячую и острую фазу. Эти события, как и ряд других, показали не только отсутствие отлаженного механизма реагирования власти и силовых структур на подобные происшествия, но и выявили существенный потенциал ксенофобии и нетерпимости, который легко и охотно прорывается наружу при определенных обстоятельствах.

Как справедливо отмечают эксперты ФАДН, «инцидент в Калмыкии с осквернением статуи Будды, цыганский бунт в поселке Плеханово Тульской области, конфликты местных жителей с мигрантами, митинги и обращения граждан в федеральные органы власти по поводу ситуации, сложившейся в Новолакском районе Республики Дагестан и Пригородном районе Северной Осетии, балкарская тема, проблемы «русского меньшинства» в некоторых национальных республиках, радикализация ислама, захват и закрытие «салафитских мечетей», факты ухода граждан страны в ИГИЛ и присоединения к террористическому бандподполью, – все это свидетельствует о явных и скрытых социальных противоречиях, которые при определенных условиях приобретают форму межэтнических или межконфессиональных конфликтов» [Хайкин, Бережкова, 2016: 99].

В ситуации углубления экономического кризиса, когда его воздействие будет острее ощущаться и скажется на настроениях населения, можно предполагать обострение конфликтности и усиление напряженности в области этнических и межконфессиональных отношений. Об этом говорят и многолетние исследования российских этносоциологов: «Эскалация требований, массовость движений зависит от комплекса факторов и складывающихся ситуаций, в том числе от состояния государства. Если государство дискредитировано и нелегитимно, оно не может обеспечивать интересов групп, именно тогда чаще проявляются этнополитические конфликты» [Дробижева, 2013: 87].

По мнению экспертов ФАДН, возможное «ослабление государства будет стимулировать столкновения на этнонациональной и религиозной почве, особенно в слабых регионах, где и до кризиса отмечался высокий уровень безработицы, низкий уровень доходов населения и общая неудовлетворенность качеством жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что опрошенные, полагающие, что межнациональные отношения ухудшились (30 %), – это, прежде всего, люди, не удовлетворенные

жизнью, в том числе своим материальным положением, слабо верящие руководству страны и не видящие перспектив. Они отмечают ухудшение практически во всех сферах жизни. Именно эта категория чаще склонна к националистическим взглядам и может стать ядром протестных выступлений» [Хайкин, Бережкова, 2016: 103].

По данным ВЦИОМ, подавляющее большинство россиян (91 %) в течение последнего года не испытывали по отношению к себе неприязнь или негативное отношение, нарушение прав или ограничение возможностей из-за национальности. О том, что ощущали такое отношение, говорят 8 % россиян; среди нерусских людей с недоверием, неприязнью, ограничением прав сталкивались 13 % (среди мусульман – 15 %). Казалось-бы цифры не такие уж впечатляющие, однако если перевести эти доли в абсолютные величины, то получим группы, насчитывающие миллионы граждан России. Это тем более опасно, что недовольство, как правило, концентрируется в отдельных болевых точках, а не распределяется равномерно [Хайкин, Бережкова, 2016: 107].

С другой стороны, тенденции развития этноконфессиональных отношений в последнее десятилетие в целом позитивные. Принятие в декабре 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., эффективная реализация основанных на ней целевых программ развития межэтнических отношений на федеральном и региональном уровнях позитивно повлияли на отношения между людьми различных национальностей, уменьшили количество открытых межэтнических конфликтов. Кроме того, важным консолидирующим фактором для российского общества стала внешнеполитическая ситуация, сформировавшаяся на фоне украинского кризиса, воссоединения Крыма с Россией, начала санкционной войны Запада. «На современном этапе упрочение единства российских граждан актуализируется внешнеполитическими рисками. Среди них – усилившееся политическое и экономическое давление со стороны США и Евросоюза, растущие санкции европейских и американских оппонентов России, попытки раскачать политическую стабильность, разобщить россиян, в том числе и за счет конфессионального фактора, ухудшение отношений с НАТО. Однако усилия США и европейских стран привели к обратному результату. Дискриминационные меры в отношении суверенной России в ответ на независимую внешнюю политику руководства РФ, напротив, способствовали объединению и консолидации многонационального народа России. Проект единства российской гражданской нации выдержал очередные испытания и подтвердил свою значимость» [Зорин, Аствацатурова, 2016: 9].

Позитивные тенденции в развитии этноконфессиональных отношений фиксируются и в социологических исследованиях. Об этом, например, говорит глава ФАДН Игорь Баринов. Так, отвечая на вопрос «испытываете ли проблемы в связи со своей национальностью и вероисповеданием», 93 % населения страны ответило отрицательно. «И это, – подчеркивает глава ФАДН, – самая благоприятная ситуация за всю постсоветскую историю. При этом 5 % населения страны признают, что испытывают проблемы в связи со своей национальностью, а 17 % – что испытывают

настороженность к представителям других народов. В 15–17 регионах цифры отличаются от средних по стране. Например, в Крыму людей, которые ощущают проблемы из-за своей национальности, значительно больше. Но мы фиксируем положительную динамику. Например, согласно нашему последнему исследованию в Крыму среди крымских татар эта цифра сократилась до 27 %. А осенью 2015 года было 38 %» [Баринов, 2017].

Успешное развитие такой полиэтнической страны как Российская Федерация возможно только при условии сохранения и укрепления межнационального мира и согласия. Межэтнические конфликты, если они приобретут систематический характер, способны разрушить страну изнутри, или ослабить её настолько, что она будет неспособна адекватно ответить на внешние вызовы, которых в современном мире таится немало. В этом смысле сохранение оптимального баланса в межэтнических отношениях является актуальным вопросом обеспечения национальной безопасности.

Конкуренция (конфликт) гражданской и этнической идентичностей

Помимо социально-экономического кризиса, попыток геополитических конкурентов России раскачать ситуацию в нашей стране с помощью провоцирования межэтнических столкновений, необходимо указать еще на одно основание межнациональной напряженности. Это основание связано с проблемой идентичности, культурных различий, и поскольку оно, в отличие от большинства других факторов, носит не временный, а постоянный характер, его можно считать главной причиной напряженности в межэтнических отношениях.

Для Российской Федерации, как и для любого полиэтнического государства, ключевым параметром при оценке процессов формирования единой нации становится соотношение универсальных (в масштабах страны) и партикулярных идентичностей. В контексте современной российской действительности речь идет прежде всего о гражданской и этнической идентичностях. И здесь мы становимся свидетелями весьма любопытного феномена, когда и гражданская (государственно-гражданская или национально-гражданская в трактовке Л. М. Дробижевой), и этническая идентичности в рамках всероссийских и региональных социологических исследований выражаются почти одинаковыми процентными показателями. Так, по данным замеров 2011 г., проведенных коллективом Института социологии РАН, 95 % опрошенных в стране идентифицировали себя как «граждане России», при этом 72 % ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». Судя по результатам опросов это «наиболее сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей» [Дробижева, 2011: 74]. Согласно исследованиям 2016 г., представление «мы – граждане России» стало не только разделяемым более 2/3 населения, но и устойчивым. Оно воспринимается как русскими, так практически в равной степени и людьми других национальностей (74 % и 68 % соответственно) [Горшков, 2017: 22]. Более того, российская гражданская идентичность, «несомненно, солидаризирует современное российское общество. По данным 4-й волны Мониторинга ИС РАН, в 2016 г. около 80 % респондентов согласились с тем, что: «В

наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации». При этом важно, что ответы русских и людей других национальностей в этом совпали – 79 % и 78 % соответственно» [Дробижева, 2018: 115].

С другой стороны, и этническая идентичность является весьма востребованной в современном российском социуме. «По данным всероссийского мониторинга ИС РАН 2017 г., 81 % россиян «никогда не забывают о своей национальности» (при этом полностью согласны с этим утверждением 34 % и 47 % «скорее согласны»). Этническая солидарность, выражающаяся в поддержке суждения «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности», столь же высока – 79 % (при этом 24 % полностью согласны с этим мнением и 55 % «скорее согласны»). В сравнении с этническим большинством для людей других национальностей этническая солидарность более актуальна: полностью согласных с этим мнением среди русских – 23 %, среди людей других национальностей – 32 %» [Рыжова, 2018: 124].

Возникает вопрос – как соотносятся между собой гражданская и этническая идентичности? По мнению С. В. Рыжовой, «этничность остается важной в глазах россиян, но она постепенно занимает «равностатусное» положение в иерархии макроидентичностей и непротиворечиво соединяется с российской идентичностью как чувством общности со всем многонациональным российским народом или уступает ей место» [Рыжова, 2018: 120]. В целом такая оптимистическая позиция характерна для ведущих российских специалистов в области проблем идентичности и этнонациональных отношений. У нас несколько иная позиция. Еще много лет назад, когда феномен «цифрового параллелизма» между гражданской и этнической идентичностями только начал проявлять себя, мы писали о том, что отношения этих двух важнейших макроидентичностей не взаимодополнительные, а конкурентные и даже иногда конфликтные [Авксентьев, Аксюмов, 2010: 20]. С тех пор данная позиция неоднократно находила эмпирические подтверждения, в ситуации с несколькими альтернативами, когда нужно сделать выбор либо в пользу универсально-российского либо партикулярно-этнического, далеко не всегда выбор делается в пользу первого.

На наш взгляд, между гражданским и этническим существуют противоречия, которые не только определяют главенство этничности в иерархии идентичностей людей, живущих во многих «национальных» республиках, но и обуславливают межэтническую напряженность в стране. Внутри российского социокультурного пространства все очевиднее становятся противоречия между универсальным и локальным (специфичным), между тенденциями секуляризации и мощными процессами религиозного возрождения, между постмодернизацией культурного поля в одних случаях и его же архаизацией – в других. Подобная «амплитудность» и амбивалентность эволюции социокультурного пространства России свидетельствует о существенной разобщенности российского социума, о наличии в нем акторов, у которых не столько разные интересы, сколько разные ценности, разные культурные нормы и стандарты. Как правило, подчеркивание культурных различий, которые все чаще выступают в качестве конфликтогенного фактора, является непосредственным

следствием демонстративной этноконфессиональной специфики, деструктивной мобилизации этнических и конфессиональных идентичностей при практически полном «забвении» гражданской идентичности.

Подобная ситуация в целом закономерна, поскольку сегодня наблюдается кризис коллективных интегрирующих форм идентичности при одновременном укреплении этноконфессиональных идентичностей, часто выступающих в качестве дезинтегрирующих. Как результат, регулярно возникают конфликты на этнической и конфессиональной «почве», глубинной основой которых являются этнокультурные различия. Обострение ситуации произошло после распада СССР, когда, с одной стороны, исчерпали себя достаточно эффективная на определенном этапе идеология «дружбы народов» и основанная на ней надэтническая советская идентичность, а с другой стороны, во многих регионах России, особенно на Северном Кавказе, неконтролируемыми темпами пошли процессы этнического и религиозного возрождения. Подавлявшиеся на протяжении многих десятилетий этническая и конфессиональная идентичности «вдруг» стали ключевыми и определяющими. В результате групповые идентичности ряда народов Российской Федерации оформились к настоящему времени именно как этноконфессиональные в первую очередь, и только во вторую – как гражданские.

В результате чрезмерной актуализации и политизации этноконфессиональных идентичностей возникает конфликт идентичностей как в формате индивидуального бытия, так и в масштабах больших социальных групп. Идеи национальной консолидации, гражданского единства, концентрирующиеся на уровне гражданской идентичности, далеко не всегда получают приоритет над узкоэтническими и узкоконфессиональными ценностями и принципами. Данный конфликт идентичностей выражается, например, в нежелании следовать принципам светского общества, в сохранении архаичных социокультурных моделей в условиях необходимости модернизационного развития. Само наличие подобного конфликта идентичностей говорит прежде всего о слабости современного варианта российской гражданской идентичности, о её недостаточности с точки зрения обеспечения национального единства Российской Федерации.

Конкуренция и даже конфликт гражданской и этнической идентичностей не означают необходимости отказаться от какого-либо из этих видов идентичности. Можно согласиться с тем, что «формирование национальной идентичности вовсе не ведет к утрате идентичности этнической, следует лишь правильно выстроить их иерархию» [Лысак, Наливайченко, 2013: 39]. «Этническая и гражданская идентичности соотносятся не в категориях «или-или» (одна должна вытеснить другую), а в категориях «и-и» [Шайхисламов, Ирнараров, Садретдинова, Коровкина, 2013: 85].

В то же время необходимо отметить, что резкое усиление этнической идентичности является непосредственным следствием сначала коллапса советской, а затем слабости и аморфности российской гражданской идентичности. Можно утверждать, что с усилением интегрирующих гражданской и цивилизационной

идентичностей значение этнической, а также конфессиональной идентичностей будет постепенно снижаться.

Библиографический список

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 18–27.

Горшков М. К. О гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. 2017. Том. 6. № 2. С. 14–25.

Дробижеева Л. М. Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации полиэтнического общества // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН. 2018. С. 107–118.

Дробижеева Л. М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет // Россия реформирующаяся. 2011. № 10. С. 72–85.

Дробижеева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 332 с.

Зорин В. Ю., Аствацатурова М. А. Межнациональные отношения в современной России: инновации политики и управления // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 8–12.

Игорь Баринов: "Наша главная задача – чтобы нигде "не стрельнуло", нигде "не взорвалось". Интервью 14 марта 2017 г [Электронный ресурс] // Нацакцент: [веб-сайт]. URL: <https://nazaccent.ru/interview/99/> (дата обращения: 11.08.2018).

Лысак И. В., Наливайченко И. В. Патриотизм: отжившая ценность или актуальный тренд? Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2013. 120 с. ISBN 978–5–8327–0471–5.

Рыжова С. В. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН. 2018. С. 119–135.

Хайкин С. Р., Бережкова С. Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 97–110. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.0.

Шайхисламов Р. Б., Ирнараров Р. И., Садретдинова Э. В., Коровкина Н. В. Гражданская идентичность: региональное измерение глобализации // Вестник ВЭГУ. 2013. № 3. С. 79–86.